

К зимнему солнцестоянию Ду Ань уже успел раздобыть солидный кусок баранины, решив таким образом проблему с бараниным супом — дело в том, что во всей деревне Цинню не было ни одного овцевода.

Ду Ань изрядно поломал голову над тем, как отметить первый зимний солнцеворот на новом месте. На юге в этот день едят таньюань, символизирующие единение семьи, а на севере предпочитают цзяоцзы — говорят, от мороза уши не отмёрзнут. Подумал-подумал он и решил учесть обе традиции, а потому отправился спрашивать мнение остальных.

Фан Шэн и Чжао Ба, как уроженцы севера, считали, что сладкие и мягкие таньюань хороши разве что как лакомство, а как основное блюдо — не наешься. Ду Чжунпин же в это время неспешно разглядывал только что законченную «Картину изгнания холода» и, услышав вопрос, на мгновение задумался, а потом спросил: «А клейкий рис у нас есть?»

Ду Ань тут же отбросил сомнения — клейкого риса, конечно же, не было. Внутренне напомнив себе, чтобы в следующий поход в город непременно купить, он отправился рубить мясо для начинки цзяоцзы.

В тот день Ду Чжунпин нарисовал три таких картины: одну повесили у себя, другую — в доме Чжао Ба, а третью отнесли Старосте. В дом Старосты народ заходил часто, и все, кто видел картину, непременно хвалили, отчего тот очень возгордился и в благодарность прислал огромный кусок баранины. Ду Чжунпин не мог не почувствовать, что удачно поторговался. А уж были ли у Старосты чернила, чтобы заполнять картину, — это уже никого не интересовало.

Таким образом, за ужином в семье Ду были не только цзяоцзы с бараниной, но и наваристый молочно-белый бараний бульон. Ду Ань сказал, что ещё один кусок мяса он вынес на мороз — про запас.

После ужина Чжао Ба, поглаживая набитое брюхо, принялся нахваливать Ду Аня: мол, вот это мастер, сумел приготовить баранину так, что и духу бараньего не осталось, одна нежность да аромат. Ду Ань лишь скромно улыбнулся, отнекиваясь, что ничего особенного.

После зимнего солнцестояния стол в доме Ду становился всё обильнее. Ду Ань пускал в ход все свои умения, превращая обычные редьку, капусту и тофу в разнообразные яства. Каждый день после полудня он доставал специально купленный глиняный горшок и принимался томить бульон, так что вскоре все трое стали румяными и лоснящимися.

Ду Чжунпин к такому был привычен — каждую зиму повторялось одно и то же. Первым не выдержал Чжао Ба, но Ду Ань лишь отмахнулся: «Зимой организм укрепляй — весной тигра одолеешь. Летом три самых жарких декады укрепляй, зимой — три самых холодных. Пока наешься как следует, весь год не заболеешь. Я же не сильно жирное готовлю, ничего страшного». И продолжал вливать в каждого по миске бульона.

На самом деле, кроме Чжао Ба, все остальные были только рады. Трое Ду только-только перебрались сюда и мёрзли нещадно, да и воздух казался им сухим. Фан Шэн же в прошлом получил ранение, и хотя потом подлечился, здесь никто особо о восстановлении сил не заботился, так что с наступлением зимы руки и ноги у него снова стали ледяными. Несколько дней супов и бульонов пошли всем на пользу. Лишь когда Фан Шэн заметил, что Чжао Ба от такого усиленного питания стал уж слишком красен, и сказал об этом Ду Аню, тот наконец оставил бедолагу в покое.

Вообще-то две семьи не каждый приём пищи делили. Раньше они собирались вместе только по праздникам или когда у кого-то получалось особенно удачное блюдо. Но Ду Ань, помня их

доброту, всегда приносил им по миске, когда варил бульон.

Фан Шэн сначала отнекивался, но Ду Ань парировал, что это всего лишь миска воды, чего уж там. Позже, когда Чжао Ба заметил, что у Фан Шэна руки и ноги действительно стали теплее, он специально пришёл поблагодарить Ду Аня, но это уже отдельная история.

Ду Ань и впрямь был хозяйственником от бога. Поскольку зимой овощей было раз-два и обчёлся, он заранее заготовил соевые и машевые бобы и прорастил из них ростки. Чеснок аккуратно расставил в блюдцах с водой и поставил в тёплое место; через несколько дней проклюнулись зелёные побеги — и глаз радуют, и в пищу годятся. Пшеничную муку обжарил на масле, приготовив чайную муку, добавил туда поджаренных арахиса и кунжута — когда проголодаешься, зальёшь кипятком, и получается сладкая, сытная каша. Прикупил у людей мёду, замариновал осеннюю боярышнику — вышло кисло-сладкое лакомство, которое возбуждает аппетит, как раз для ребёнка, который плохо ест. А груши, что он припрятал, к этому времени как раз дошли до кондиции, стали душистыми и сладкими; по одной в день — и от сухости избавляешься, и жажду утоляешь.

Чжао Ба в последнее время только и делал, что нахваливал Ду Аня. Он и раньше хотел как следует подкормить Фан Шэна, да не знал как. Из укрепляющих средств знал разве что женьшень, но тот стоил бешеных денег, да и Фан Шэн не разрешал, твердя что-то про «ослабленный организм не выдержит».

А теперь гляди — Ду Ань, почти не тратясь, из самых обычных продуктов творит чудеса, и все едят с удовольствием. Чжан Ба и сам хотел научиться, но понял, что не способен на такую тонкую работу. В итоге он просто стал приносить продукты и упрашивать Ду Аня что-нибудь приготовить. Так что все они жили припеваючи.

Ду Чжунпин же испытывал перед Ду Анем чувство вины. В доме Ду, где денег вечно не хватало, а за каждым шагом следили, Ду Ань, должно быть, положил немало сил, чтобы освоить все эти премудрости и обеспечить ему и Цзинь-эру хоть какое-то благополучие. А он не смог его защитить, когда на того сыпались нападки и наказания, и мог только корить себя за бессилие. Возможно, без него Ду Ань жил бы лучше, но тот не оставил его и последовал за ним на север. Теперь Ду Чжунпин и представить не мог, как бы он жил без него.

И Цзинь-эр... Когда брат и невестка один за другим ушли из жизни, оставив крошечного Цзинь-эра, Ду Чжунпин смертельно боялся, что не сможет его вырастить. Малюсенький ребёнок, который даже не плакал и не капризничал, вызывал разрывающую сердце жалость. Хорошо, что теперь они уехали оттуда, втроём стали отдельной семьёй и могли жить спокойно. Здесь, на севере, не было южного изобилия, зато царила простая, бесхитростная атмосфера. Прожив здесь несколько месяцев, все они понемногу расправили плечи, избавившись от гнетущего чувства, что преследовало их в доме Ду.

Выходит, они не зря сюда приехали.

Староста был человеком решительным. Увидев, что в деревне становится всё больше мелких торговцев, он, едва начался месяц ла, собрал их всех на деревенском пустыре, устроив нечто вроде маленькой рыночной площади.

Ду Чжунпин же с удивлением обнаружил, что медяки, которые он в прошлый раз привёз из города, уже почти наполовину истрачены. Только тратить, ничего не зарабатывая — дело недолговечное. Деньги-то у него ещё были, но они предназначались на будущую женитьбу

Цзинь-эра. Он вознамерился вернуть потраченное, но как ни думал, ничего путного в голову не приходило.

В день Лаба Ду Ань сварил ароматную лабачжоу, позаботившись, чтобы каждый получил по миске. По местной поговорке, «в седьмой и восьмой день ла от мороза подбородок отвалится», и говорят, что если съесть лабачжоу, то подбородок приклеится и не отмёрзнет. Шутки шутками, но погода и вправду становилась всё холоднее.

К счастью, они заранее выбрали погожий день и съездили в город, закупив припасов, которых, по расчётам, должно было хватить до весны. А с появлением в деревне маленького рынка стало легко докупать сезонные продукты. Поэтому сегодня он и смог собрать достаточно разных сушёных плодов, чтобы сварить кашу.

Увидев лабачжоу, Ду Чжунпин вдруг осенило: раз начался месяц ла, значит, скоро Новый год, и все дома начинают готовиться. Сам-то он ничего путного предложить не может, но вот если написать парные благопожелательные надписи и иероглифы «счастье» на продажу — может, он окажется единственным в округе, кто такое делает, и дело пойдёт! Кто ж откажется от удачи?

Однако когда Ду Чжунпин с горящими глазами изложил свой план, Ду Ань какое-то время смотрел на него с немым укором, а затем принялся отчитывать, сыпля учёными изречениями о том, что благородному мужу не подобает заниматься купеческими делами. Даже Чжао Ба и Фан Шэн слушали, разинув рты. В конце концов Ду Ань совершенно спокойно велел Ду Чжунпину приготовить одну пару благопожелательных надписей да несколько иероглифов «счастье», а сам, захватив часть каши, отнёс всё это Старосте.

Вернувшись, Ду Ань велел Ду Чжунпину надеть парадное платье, прибрался в комнате, расставил на письменном столе вместо нарциссов побеги чеснока, разложил «четыре драгоценности кабинета» и усадил Ду Чжунпина с книгой в руках, изображая учёного, погружённого в занятия. Цзинь-эра же он отправил под присмотр к Чжао Ба и Фан Шэну, оставив в комнате только себя.

Прошло не так уж много времени, когда действительно явился человек с подношением и нарезанной красной бумагой, чтобы попросить Ду Чжунпина написать парную надпись. Ду Чжунпин, внутренне ликуя, внешне сохранял невозмутимость, произнёс с умным видом парочку изречений, которые тот счёл необыкновенно мудрыми, и взялся за кисть.

Ду Ань же ловко подкладывал бумагу и растирал тушь, всем своим видом подчёркивая значимость учёного мужа. Посетитель принялся благодарить и оставил подарок; Ду Ань несколько раз церемонно отказался, но в конце концов принял.

<http://bllate.org/book/16286/1467476>